

Н.В. Пигулевская

**Месопотамия на рубеже V-VI вв. н. э.:
Сирийская хроника Иешу Стилита как
исторический источник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Пигулевская**
Месопотамия на рубеже V-VI вв. н. э.: Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник / Н.В. Пигулевская –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 176 с.

ISBN 978-5-458-54233-3

ISBN 978-5-458-54233-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование Н. В. Пигулевской о сирийской хронике Иешу Стилита представляет исключительный интерес для советской исторической науки. Изучаемый источник отражает сложное явление разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений в Междуречье. Автор отдает себе отчет в том, насколько сложен комплекс отношений, слагавшихся в области, тесно примыкавшей к границе между Ираном и Византией. Этническая пестрота, широкие торговые связи, угроза войны, становившаяся реальностью, создавали ряд дополнительных, сложных явлений. Верный методологический подход помог правильной оценке фактов, и в результате исследования получились выводы шире тех локальных и хронологических рамок, в которых они даны. Из своего задания автор сумел сделать работу, трактующую актуальные проблемы общесторического характера и поставить ее на уровень требований методологического порядка, предъявляемых современной науке. В господствовавших общественно-экономических отношениях, в невыносимо тяжком положении эксплуатируемого населения автор справедливо вскрывает причину быстрого и легкого завоевания арабами Ближнего Востока.

В издании исследований и переводов под общим названием «Сирийские источники об Иране и Византии» хронике Иешу Стилита принадлежит по праву одно из первых мест. Русский перевод сделанный впервые, дает возможность использовать редкий сирийский источник, представляющий интерес как для круга специалистов, так и для историков-педагогов.

Академик *В. В. Струве*

Часть I

ВВЕДЕНИЕ

Сирийские источники до настоящего времени не получили должного признания ни у историков, ни у археологов. В значительной степени это связано с недоступностью памятников в подлиннике и отсутствием переводов. Однако до расцвета арабской литературы сирийские исторические сочинения имеют первостепенное значение.

Для VI и первой половины VII в. сирийские хроники содержат исключительный по своей значимости материал, который дает возможность вскрыть социально-экономические отношения в азиатских провинциях Византии и Ирана. В сасанидскую эпоху взаимоотношения обоих государств складывались через посредство сирийцев, язык которых был дипломатическим языком Ближнего Востока. Сосредоточенные преимущественно на внешнеполитических событиях эти источники, тем не менее, дают ряд данных, имеющих значение для определения внутренних социально-экономических отношений, сложившихся в эту эпоху.

В ряду исторических памятников, которые являются предметом данного исследования, хронике Иешу Стилита принадлежит одно из первых мест. Она представляет собою превосходный источник для истории отношений Ирана времен Пероза и Кавада с Византией; ее локальный характер дает материал о жизни восточных провинций, находившихся под властью Византии, которые были искусственно отсечены от единоплеменных областей, оставшихся под властью сасанидов. Особенности социальных отношений, правовых и государственных норм, которыми жили византийские провинции, были той почвой, на которую веком позже начали отслаиваться отношения образовавшегося халифата. Анализ сирийской социальной терминологии до настоящего исследования никем не производился. Между тем оказалось возможным сопоставить ее с рядом греческих эквивалентов и указать на сходную терминологию, употреблявшуюся в Иране. Социальные и экономические явления, о которых сообщает хроника, сопоставлены с историческими данными, известными по другим источникам. Безотрадная картина угнетения и эксплуатации масс, вскрытая хроникой, подтверждает замечательные слова Ф. Энгельса в его блестящей характеристике, данной поздне-римской и ранне-византийской империи: «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных.

Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат». . .¹

Характеристика в точности соответствует тому, что сообщает сирийская хроника, давшая такую яркую картину этих вымогательств, грабежей, нищеты и голода. Официальные историки едва касаются этих сторон жизни. У целой плеяды греческих летописцев жизнь Константинополя поглотила все их повествовательные способности. От красочной столицы рябило в глазах, за мишурой придворных одежд, шумом кровавых и крикливых интриг забывалось все остальное. Облитые желчью страницы «Тайной истории» принадлежат к числу редких документов. Ею вскрыты такие язвы, что вся видимая мощь пышного царствования Юстиниана блекнет, обращается в ничто перед обнищанием и опустошениями, о которых она сообщает. Провинциальные хроники и летописи дают в этом отношении еще более богатый материал. Их интересы носят местный характер; они сообщают хозяйственные и бытовые детали, которые позволяют нащупать новые звенья в развитии форм экономической жизни. Сирийские памятники дают такого рода материал; они показывают жизнь земледельцев, которые в положении рабов, колонов, разного рода зависимых крестьян несут на себе всю тяжесть обработки и орошения полей, садов и виноградников, стонут от тяжести податей, от разбоя солдат и грабежа чиновников. Эксплоатация провинций, на которую указывает Ф. Энгельс, подтверждается этими источниками особенно ярко.

«Порядок (Римско-византийского государства, — Н. П.) был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей».² Это положение подтверждается бедственными рассказами сирийских хроник и тонкой сатирой ряда строк «Персидской войны» Прокопия.

Хроника Иешу Стилита относится к тому периоду, когда раннее феодальное общество только складывалось и не успело изжить всего наследия рабовладельческих отношений. Оценка, данная Энгельсом растлевающему влиянию рабства в пору его сосуществования колонату, относится к этому переходному периоду. Для азиатских провинций Византии, для Ирана в полной мере справедливо замечание, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало»;³ его отравляющее экономически и юридически поставило производительный труд свободных в положение близкое, мало чем отличное от положения рабов. Важнейшие, актуальнейшие вопросы современной исторической науки исследуются здесь на конкретном, новом историческом материале. Хроника Иешу Стилита, Сирийский Законник и другие источники дали материал для изучения классового расслоения, эксплоатации

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 125.

² Ф. Энгельс, там же, стр. 125.

³ Ф. Энгельс, там же, стр. 127.

деревенского и городского населения, торговли. Эти очерки дают необходимое объяснение тем социально-экономическим явлениям, о которых сообщает хроника и которые до настоящего исследования не были изучены на сирийских источниках.

Длительный процесс разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений протекает в Междуречье, как явление сложное. Если основной массой непосредственных производителей на земле следует считать, в конце V и в VI вв., колонов, разного рода зависимых крестьян, париков, то одновременное существование и рабовладельческого уклада в эту эпоху не оставляет никакого сомнения. Ряд данных подтверждает и наличие деревень, населенных «свободными» крестьянами. Сложности, длительности процесса перехода от одной формы общественно-экономических отношений к другим способствовало особое положение провинций, расположенных на караванных путях, по которым в течение тысячелетий шел обмен между востоком и западом. Богатые города были торговыми и производственными центрами с развитой ремесленной промышленностью. Пограничные области, какими были Осроена, Месопотамия, Софанена, Армения, находились в непосредственной близости к Ираву, жили под постоянной угрозой военных нападений, обострявших формы зависимости, экономические контрасты и классовую борьбу.

Борьба Ирана с Византией на рубеже двух столетий, о которой сообщает хроника, является темой главы, посвященной политической истории Месопотамии. Наступление Ирана при Каваде было вызвано глубокими внутренними причинами, а задачей были грабеж и собственное обогащение за счет опустошения и разорения покоряемых провинций.

Исследование «повести временных лет», составленной Иешу Стилитом, проведено по ее двум основным темам — истории похода «тирана людского» персидского царя Кавада и рассказам об испытаниях, постигших Месопотамию.

Одна тема дает материал для политической истории Междуречья, вторая — для характеристики его общественно-экономического строя.

Русский перевод с сирийского текста «Хроники Иешу Стилита», для облегчения пользования источником, снабжен несколькими указателями: географических, топографических и этнографических названий, собственных имен, важнейших терминов и греческих слов, транскрибированных в сирийском тексте.

ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА И ЕЕ АВТОР

Хроника Иешу Стилита, написанная на сирийском языке, является одним из тех памятников, которые приходится особенно ценить историку, так как автор сообщает о событиях, к которым он сам был причастен, пережил их и, во всяком случае, был их современником.

До нашего времени хроника дошла в единственном списке, как составная часть так называемой хроники Дионисия Телльмахрского, относимой

к IX в. Она вкраплена в последнюю целиком со вступлением и заключением, как единое целое.¹

Рукопись Дионисия Тельмахрского, в состав которой входит хроника Иешу Стилита, принадлежит к числу находящихся в библиотеке сирийского монастыря в Нитрийской пустыне. Сведения об этой рукописи двоякие. В каталоге восточных рукописей Ватикана Ассеманий утверждает, что она принадлежит к числу привезенных из Тагрита в 932 г. игуменом монастыря Моисеем Низибийским, собиравшим эту библиотеку.² По другим данным того же Ассемания этот экземпляр переписан в самой Скитской пустыне в IX или X в.,³ что наиболее вероятно. Для средневековых писателей-сирийцев хроника эта уже была потеряна: ни Михаил Сириец (умер в 1199 г.), ни Бар Эбрей (умер в 1286 г.) ее не знают и используют только псевдо Захария Митиленского. Историк Агапий, писавший на арабском языке, также черпает сведения об этом периоде у Захария.⁴

Впервые к летописи Иешу Стилита вернулся, как и вообще ко многим сокровищам сирийской литературы, Ассеманий, ученый маронит, составивший в начале XVIII в. богатейшую *Bibliotheca orientalis*. Двадцать шестая глава первого тома содержит выдержки из хроники Иешу Стилита на латинском языке.⁵

Это первое упоминание, перевод отрывков и комментарий послужили данными для использования Стилита как источника первостепенной важности для истории войн Ирана с Византией в конце V и начале VI в. Неполнота данных Ассемания, отсутствие сирийского текста и значительное количество лакун побудили Павлина Мартэна⁶ издать полностью сирийский подлинник и французский перевод, снабдив его немногочисленными справками. Текст был издан недостаточно тщательно, и знаток сирийской литературы и палеографии Райт⁷ взялся за издание вторично. Он исправил ряд ошибок и недостатков своего предшественника в издании текста и приложил английский перевод. О своем несколько тяжелом переводе Райт сам говорит,⁸ что он, стремясь передать манеру подлинника, переводил библейским стилем, который лучше всего подходит для такого памятника. Немногочисленные подстрочные примечания, объясняющие географические названия, ценны. Но и в этом издании хроника в целом осталась неистолкованной. Русский перевод с сирийского сделан мной.

¹ Nau. Etude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée à Denys de Tellmahré. *Revue d'Orient Chrétien*, 1897, t. II, p. 41.

² *Catalogum Codicum Orientalium Bibl. Apost. Vaticanae*, t. III, № CLXII, p. 329.

³ Joseph Simonius Assemanus. *Bibliotheca orientalis Clementino Vaticana*. Romae, 1719, t. II, pp. 97, 98.

⁴ Agapius de Membidg. *Texte arabe et traduction française* de Vasiliev. Paris, 1912, p. 424.

⁵ *Bibliotheca orientalis*, t. I, cap. 26, pp. 260—283.

⁶ *Chronique de Joshué le Stilite écrite vers l'an 515*. Texte et traduction par l'abbé Paulin Martin, Leipzig, 1876. *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands*, B. VI, № 1.

⁷ *The chronicle of Joshua the Stilite, composed in syriac A. D. 507*. With a translation into english and notes by W. Wright, Cambridge, 1882.

⁸ *Ibidem*, p. VI.

Хроника имеет две основные темы, которые в понимании автора слились в одну — «бедствия», постигшие Месопотамию — Эдессу и Амид. Первая основная тема о персидской войне, с историческим экскурсом относительно происхождения ее и истории персидско-византийских взаимоотношений в предшествующий период. Не менее существенна вторая тема хроники — «несчастия», обрушившиеся на византийскую Месопотамию, рассказ о которых знакомит с жизнью провинции Осроены и города Эдессы. Но вторая тема более затруднительна для анализа, так как она вплетена в тему о войне и временами становится основной, подавляя первую.

Для сведений относительно византийско-персидских отношений в предшествующий период автор мог использовать «старые книги», о которых он говорит, как об одном из своих источников. Для иных сведений он указал устные сообщения. Он узнал многое от тех, которые были членами посольства при обоих дворах, скорее всего в роли толмачей, которую сирийцы обычно выполняли как при «ромеях», так и при сасанидских владыках. Эти сведения интересны и вскрывают истинное положение вещей, уже стершееся в византийских источниках. В вопросах внутренней жизни Месопотамии автор более всего сообщает о том, чему он сам был свидетелем, и в иных случаях он ссылается на общественное мнение, на то, что данные факты известны всем, прибегает и к авторитету лица, к которому обращена его хроника. Рассказав особенно тягостные и удручающие факты, летописец подтверждает их истинность тем, что они могут быть засвидетельствованы всем населением Эдессы.

Хроника написана в эпистолярной форме. Это послание — ответ на предложение одного лица, которого автор называет «священником и архимандритом Саргисом», обратившегося к нему с просьбой описать события, происшедшие в течение последних лет. Автор говорит, что неохотно берет за перо, так как не чувствует себя в состоянии удовлетворить необходимые требования, как и не обладает дарованием для того, чтобы разрешить задачу, с которой не справились и те, кто «больше него».

На кого направлен этот намек? Не на двух ли его современников, стяжавших славу своими литературными произведениями — Иакова Серугского и Ксенайю Маббогского, о которых он упоминает в своей хронике. Увещательные послания первого, во время голода и чумы, обращенные к населению Серугской области, периодом¹ которой он был, упоминаются и сирийским Захарием Митиленским.

Кроме мотивов личного смирения, летописец указывает на неумение «смешать» поучение с печальными историями, о которых он сообщает. Эта последняя его черта вызывает большую благодарность со стороны историка, так как избавляет от необходимости вылуцивать драгоценные сведения из массы благочестивых наставлений, сопоставлений и поучений. Несмотря на все предупреждения, автор неплохо справился со своей задачей. Он последовал примеру византийской хронографии и расставил годы,

¹ Периодет — один из старших клириков области, непосредственно подчиненный епископу.

и отдельные даты, «чтобы не путать повествования». Ему показалось несущественным писать о ценах, о дороговизне во время голода, но специальная просьба его корреспондента Сергия побудила его уступить и сообщить об этом не принятом для «высокой» литературы предмете.

Сообщая о византийских и персидских делах, он употребляет слова того и другого языка. Многие говорят за то, что он знал греческий язык; составленная мною таблица транскрибированных им слов также говорит об этом. Персидского языка он если и не знал, то во всяком случае был знаком с его терминологией, а также с обычаями, взглядами и современными социальными течениями в Иране, например, с движением маздакитов. Только Иешу Стилит сохранил название «ереси», проповеданной Маздаком, *zarduštān* — *zarduštakan*.

Кто он сам этот автор, набросавший сильную и яркую картину современной ему жизни? Никто из современников о нем ничего не сообщил. Хроника называется по имени Иешу (Išo, Iešu, Iošua, Josué) Стилита по заметке, находящейся посредине текста, сделанной переписчиком. Елисей, монах монастыря Зукнин, переписавший «эту книгу», упоминает священника того же монастыря Иешу Стилита, написавшего «повести временных лет» о бедствиях бывших в Месопотамии и «вреде, нанесенном тираном людским» — царем персидским.¹ Критика мало выиграет, если вместе с Но² эти строки посчитает за приписку ко всей истории псевдо Дионисия Телльмахрского, сделав ее автором Иешу Стилита, а последние строки о месопотамских бедствиях припишет неизвестному лицу. Пусть автором будет не Иешу Стилит, а псевдо Иешу Стилит,³ тем не менее черты, которыми он может быть охарактеризован из самого произведения, указывают на то, что он был клирик, монах. Самое обращение к нему архимандрита Сергия, его почтительность и послушание в ответах, отчетливо выраженная клирическая тенденция говорят об этом. Он всегда подчеркивает всякие начинания церковного порядка, будь то усиленные моления, новый евхаристический сосуд или учрежденный праздник. По взглядам он монофизит, хотя нигде не упомянул о своем символе веры, но в хронике он упоминает только монофизитов. Гельцер назвал Иешу криптомонофизитом. Хотя он не скрывает своих симпатий к последним, но принадлежит к группе умеренных монофизитов, занимает в этой группировке миролюбивую позицию. Он действительно с исключительной теплотой, в похвальных выражениях упоминает о патриархе Антиохийском Флавиане, который был умеренным монофизитом и был снят в 512 г. Анастасием, заменившим его неистовым Севером. Этим обстоятельством можно правильно объяснить неудовольствие Анастасием, которое высказал автор в конце хроники.⁴ Более или

¹ The chronicle of Joshua the Stylite, ed. Wright, p. IX; ed. Martin, p. 18.

² N a u, ibidem.

³ По мнению Шабо и Баумштарка неизвестным клириком около 508 г. была написана хроника, которая ошибочно носит имя Иешу Стилита. — S h a b o t. Littérature syriaque. 1934, pp. 67—68. — B a u m s t a r k. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 146.

⁴ G e l z e r. Josua Stilites und die damaligen kirchlichen Parteien des Ostens. Byzantinische Zeitschrift, B. I, 1892, p. 47.

менее благожелательное отношение к нему на протяжении всей книги в заключительных строках изменено словами, что читателю не следует «смущаться похвалами», которые щедро рассыпаны в книге, так как только в конце царствования Анастасий показал себя в другом аспекте.

Сведений об образовании автора нет, но его словарь и стиль говорят о том, что он имел школьное образование. В 489 г. была закрыта Зеноном знаменитая «школа персов» в Эдессе, вследствие господствовавшего в ней несторианства. Возглавлявшие ее несториане переправились в «персидскую землю» и продолжили свою деятельность в Низибии, где школа процветала в течение нескольких веков.¹

Монофизиты и немногочисленные мелкиты, оставшиеся в Эдессе после разгрома «школы персов», должны были продолжить традиции этого центра образования. Об этом говорит то, что Эдесса являлась в течение веков центром, из которого выходили образованные сирийские люди разных направлений.

Известное количество рукописей было переписано в Эдессе, что также подтверждает существование в ней школ, подготовлявших кадры переписчиков. Возможно, что Иешу Стилит принадлежал к числу учителей школы — обстоятельство, которое сделало бы понятным обращение его корреспондента Саргиса к нему с просьбой описать пережитое. Он упоминает также о «братьях из нашей школы».²

Несмотря на целый ряд несуразных клерикальных рассуждений и замечаний, благодаря безусловной и прекрасной осведомленности автора, в хронике разбросано множество ценнейших сведений для исторической географии, топографии, археологии, искусства.

Для времени составления хроники могут быть выдвинуты две даты: 507 и 518 гг. Основания для этого следующие. Хроника написана под непосредственным впечатлением только что ушедших «бедствий», последняя ее дата 28 ноября 506 г. В тексте упомянут Юстин, смевивший на престоле Анастасия, ему прилагается только звание дукса, без всяких указаний на будущее его положение, что было бы вполне естественным. Однако слова о нежелательной политике Анастасия в конце царствования (о чем речь была выше) ведут к 518 г. — году его смерти. Эту часть последнего параграфа

¹ B a r h a d b e s a b b a A r b a y a. Cause de la fondation des écoles. *Patrologia Orientalis*, t. IV, p. 319.

² И е ш у С т и л и т, § 34 — syr. Wright, p. 28. — В русском переводе хроники Иешу Стилита сохранено разделение на параграфы, данное издателем сирийского текста Райтом. Номера параграфов в подстрочных примечаниях соответствуют и сирийскому, и русскому тексту. Помимо того, при ссылках на сирийский текст указываются страницы изданий Райта (*The chronicle of Joshua the Stylite composed in syriac A. D. 507, With a translation into english and notes by W. Wright, Cambridge, 1882*). При ссылках на Иешу Стилита соблюдаются следующие сокращенные обозначения: 1) Иешу Стилит, § . . . (ссылка относится к русскому переводу); 2) Иешу Стилит § . . . — syr. Wright, p. . . . (ссылка относится и к русскому переводу и к сирийскому тексту издания Райта); 3) Иешу Стилит § . . . — syr. Wright, p. . . . — transl., p. . . . (ссылка относится к русскому переводу, к сирийскому тексту издания Райта и к английскому переводу Райта).

хроники Райт находит позднейшей глоссой и хронику относит к 507 г. Гельцер также считает хронику написанной в 507 г., но приписку признает сделанной самим автором после смерти Анастасия, когда он только и решился опубликовать свой труд.

На этой точке зрения стоял и Нельдеке,¹ но впоследствии изменил ее, считая, что хроника была составлена несколько позднее.² Поскольку автор говорит о благосостоянии эдесской области, о спокойствии и благополучии, в котором она находится после пережитых бедствий, необходимо предположить, что прошло известное количество времени, за которое город и область могли оправиться.

Во всяком случае относить написание и опубликование хроники позже 518 г. нет никаких оснований.

Пожалеть можно только об одном, что автор хроники не осуществил свое горячее желание написать о «временах благоденствия» Месопотамии, как он это обещал своему корреспонденту. Или быть может это писание потеряно для нас, как многое из сокровищ сирийской литературы.

Клирик и, вероятно, учитель школы Иешу Стилит не является однако представителем высшего слоя духовенства. Епископы, периодевты, настоятели монастырей принадлежали к высшим чинам клира, были крупными землевладельцами и бесконтрольно распоряжались церковной или монастырской казной, поэтому и интересы этой верхушки были те же, что и «богатых», и «знатных». В хронике ничто не говорит о том, что автор ее разделяет эти интересы, наоборот, на протяжении всей книги он уделяет внимание «бедным», «простым», «несчастливым». Высокие цены на продукты питания затронули и его, он говорит, что от дороговизны страдали «мы». Взятничеством и несправедливым распределением постоя солдат он возмущается, как пострадавший. Сообщая о тяжбах, притеснениях, он становится на сторону обиженных, «малых» людей.

Иешу Стилит принадлежит к рядовым клирикам. Жизнь ремесленников и крестьян ему ближе, чем жизнь знати. Поэтому для него было возможно понимать интересы этих слоев населения. Но протест, возмущение, гнев пугают его. Он бранит «смельчаками», «дерзкими», делающими то, что «не подобает», тех представителей «простого народа», которые решились свой протест написать на «хартиях» и вывесить их в публичных местах города. Выступление против «власть имущих» кажется ему невыносимым. В своих словах он старается сгладить конфликт между магистром Келером и эдесситами, но делает это неумело, неуверенно. Он не решается высказываться, боясь чтобы те, которые «любят упрекать», не стали распространять слухов будто он говорит «против начальствующих». Он не лишен общечеловеческой, гуманной точки зрения на события. Хотя он и сторонник Византии, но действия ромейских войск в Иране вызывают его осуждение. Избиение всего мужского населения, поджог деревень, уничтожение вино-

¹ N ö l d e k e. Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 30, 1876, p. 352.

² Ibidem, B. 36, 1882, p. 689.